

## Проблема типов научного дискурса

Е. А. Кротков\*, К. А. Зуев \*\*

**Аннотация.** В статье предпринята попытка построения теоретической модели научного дискурса, без которой весьма затруднены его спецификация и деление на виды. Уточняются и обсуждаются особенности социогуманитарного дискурса в его соотношении с общенаучным дискурсом.

**Ключевые слова:** наука; дискурс; когнитивный; коммуникативный; принципы; матрица; спецификация; деление; классификация; диверсификация.

## The Problem of Types of the Scientific Discourse

E. A. Krotkov, K. A. Zuev

**Abstract.** The article shows the results of constructing the theoretical model of the scientific discourse which enables its specification and classification. The authors discuss the specific features of socio-humanitarian discourse in the context of the general scientific discourse

**Keywords:** science; discourse; communicational; principles; matrix; specification; division; classification; diversification.

### Научный дискурс: сущность и компоненты

В литературе по дискурс-анализу уделяется недостаточно внимания научному дискурсу, который рассматривается преимущественно в коммуникативном аспекте. Не сформулированы положения философско-методологического характера для построения его теоретической модели, без которой весьма затруднены спецификация научного дискурса и его разновидностей, осуществление сравнительного анализа научного дискурса с другими институциональными дискурсами. Мы предлагаем некоторые подходы к решению этих задач.

Одна из интенций философии постмодерна состоит в попытке развенчания теоретико-позна-

вательного авторитета научного дискурса, являющегося образцом для всех других областей применения человеческого разума. «Если традиционно разворачивание научного дискурса понималось как процесс, в котором исходное предположение <...> очищается от субъективных представлений, <...> если необходимость поставить в научном исследовании проблемный вопрос и дать на него аргументированный ответ имела статус аксиоматичной презумпции, то постмодерн фиксирует абсолютную релятивность и мифологичность этих представлений»<sup>1</sup>. В связи с тотальной коммерциализацией всех сфер общественной жизни возрастает опасность ценностной эволюции научного дискурса от «классического»,

\* Кротков Евгений Алексеевич — доктор философских наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: krotkov\_ea@mail.ru

\*\* Зуев Константин Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: konstanzeuev@yandex.ru

<sup>1</sup> Задворная Е. Эпистемика научного дискурса в культурной ситуации постмодерна [Электронный ресурс]. URL: <http://filologija.vukhf.lt/2-7/zadvornaia.htm> (дата обращения: 13.12.2012)

занятого производством объективно-истинного знания, к рекламно-презентативистскому, определяющая направленность которого состоит в получении доступа ученого к научным фондам и грантам. Предлагаемое исследование в значительной мере выполнено в контексте оппонирования этим устремлениям.

Начнем с ответа на нетривиальный, как нам представляется, вопрос: необходимо ли понятие дискурса — при наличии более привычных и ясных понятий «язык», «текст», «речь» и «мышление» — и каково его содержание? Правила языка, составляющие предмет исследования лингвистики, лишь часть правил, управляющих производством и приспособлением речевой продукции. Другая их часть отражает особенности коммуникативных тактик и стратегий, социальных статусов и целевых интенций их участников. В постмодернистской парадигме дискурса любой текст замыкается на другой, а тот, в свою очередь, на последующий, *ad infinitum*: «Нет ничего вне текста» (Ж. Деррида). Однако данный подход — его можно было бы назвать «лингвализмом» (И. Хаккинг) — предполагает отказ от семантических понятий «значение (референт)» и «истина», от гносеологических категорий «субъект» и «объект», что уже само по себе предельно разрушительно для теории и философии языка.

Дискурс — это, конечно же, мышление, но не в его классическом понимании как «чистая» идеальность, монолог, а как речевая деятельность, диалог во всем многообразии их функций (дескриптивной, аргументативной, предписывающей, оценочной). Существует аутентичное смысловое содержание дискурса, то, что посредством языка действительно «высказано» либо «выстроено» в нем его автором. Отказ от этого постулата подрывает целевую направленность дискурса: не потому ли мы так тщательно редактируем статьи и книги, продумываем формулировки своих просьб, приказов и обещаний, что хотим предельно точно выразить то, что намерены выразить?

Дискурс полисубъектен и интерсубъектен: а) смысловое содержание авторского дискурса отражает (отрицает, согласуется, включает, восполняет) тематически связанные с ним дискурсы других авторов; б) при некоторых условиях содержание авторского дискурса

доступно разным субъектам. Общим условием адекватного восприятия дискурса, его «прозрачности» является наличие у автора и реципиентов сходных речевых и культурных кодов, того, что можно было бы назвать дискурсной парадигмой определенной социальной практики. Любое радикальное сомнение в справедливости этого тезиса подрывает коммуникативную, шире — социальную функцию дискурса: если каждый понимает текст (речь, письмо) только на свой лад, «по-своему» (Г. Гадамер), то как возможны образование, взаимопонимание и согласованные действия?

Нельзя внести точность в рассуждения, если она сначала не введена в определения (Д. Гершель). Любая дефиниция, не исчерпывающая полного смыслового содержания определяемого термина, призвана сфокусировать внимание на его основных компонентах. Как мы полагаем, научный дискурс представляет собой последовательность высказываний, производимую на основе исторически сложившейся системы правил, традиций и ценностей науки как социокультурной общности, посредством которой общество реализует свои когнитивные потребности.

Охарактеризуем два конститутивных аспекта научного дискурса. В самом общем плане *когнитивный* аспект дискурса может быть определен как рассуждение, то есть последовательность речемыслительных действий в контексте поиска ответа на познавательно значимый вопрос. Продукция когнитивного дискурса — обоснование гипотезы (либо ее опровержение), объяснение на ее основе фактов, построение прогноза, квалификация (диагностика) и так далее. *Коммуникативный* аспект научного дискурса имеет иную, а именно субъектную направленность, и представляет собой диалог как способ речевого взаимодействия. Реализуется в форме внутреннего и/или внешнего диалогов. Внутренняя диалогичность, то есть авторская рефлексия по поводу своих собственных текстов, их синтаксической связанности, семантики их терминов, логической корректности выводов, обоснованности гипотез, известна любому научному работнику. Во внутреннем диалоге автор периодически проблематизирует процесс и результаты собственного

речемышлительного поиска, формулирует и «прорабатывает» альтернативные варианты. Внешний диалог представляет собой способ речевого воздействия разных субъектов. Он характеризуется установкой адресанта на изменение знаний адресата, моделей его научного опыта, на поддержание норм научного этоса, а также на предотвращение использования неспециалистами продуктов научного дискурса в антигуманных целях. Оценка результата коммуникативного аспекта научного дискурса осуществляется в терминах прагматической теории истины («эффективно» либо «неэффективно»).

Многообразие аспектов анализа научного дискурса проиллюстрируем эскизом его компонентой матрицы, содержащей открытую (при необходимости — восполняемую) систему дискурсных параметров.

1. *Субъектный*: адресанты/адресаты научного дискурса, то есть люди, исповедующие общенаучные ценности и принципы, активно работающие в определенной научной области, ориентированные на одни и те же либо существенно различающиеся парадигмы (по Т. Куну) научной деятельности в данной области.

2. *Онтологический*: типы объектов дискурса, способы их существования — объекты природного происхождения и объекты, существование которых связано социокультурными смыслами; материальные и идеальные объекты; темпоральные сферы бытия — настоящее, прошлое и будущее.

3. *Предметный*: разные научные дискурсы могут иметь одну и ту же онтологию, но различаться своим предметом, тем содержанием объектов познания и деятельности, которое «вычленяется» понятийными средствами данного дискурса, сеткой («системой») категорий и законов (или аксиом) определенной науки. Предметный параметр ранжируется по степени общности рассмотрения объектов дискурса (по схеме «род — вид — подвид») и диверсифицируется выделением в них аспектов и частей (по схеме «система — подсистема — элемент»).

4. *Логико-методологический*: формы и методы реализации дискурсом научно-познавательных целей, коррелятивные специфике предметной области и проблематики данной науки: описание, объяснение фактов и эмпирических

законов, обоснование гипотез, доказательство теорем, понимание человеческих поступков, прогнозирование, а также логические средства дискурса. Несложно усмотреть, к примеру, различия в способах обоснования, характерных для дискурса апостериорных наук (физики, биологии, социологии), с одной стороны, и априорных (логики, математики) — с другой; в моделях объяснения фактов в социогуманитарном и естественнонаучном дискурсах.

5. *Лингвопрагматический*: стилевые характеристики речи, ее выразительные средства и литературные формы; коммуникативные сценарии — условия, организация и способы научного общения.

6. *Уровневый*: по этому параметру можно выделить предметный дискурс, отличая его от метадискурса. Предметный дискурс своей направленностью имеет область значений (предметную область) языка данной науки. В метадискурсе речь идет о высказываниях предметного дискурса, их синтаксических, семантических и прагматических свойствах.

7. *Проблемный*: формулировка проблемы является начальным этапом любого научного дискурса, поскольку очерчивает границу между уже познанным (известным) и тем, что еще таковым не является. Основные разновидности научных проблем: а) что предстоит объяснить, и как это сделать? б) что надо обосновать, и как это сделать? в) что подлежит квалификации в границах некоторой систематики, и как это сделать? г) относительно чего надо построить прогноз, и как это сделать? д) что предстоит вычислить, и как это сделать?

8. *Телеологический*: производство новых объективно-истинных знаний; трансляция массива «готовых» знаний (номологических и фактуальных) на новые области и сферы познания и практической деятельности; информирование, оценка, критика в контексте научной коммуникации.

Некоторые из названных параметров, в свою очередь, могут быть диверсифицированы на субпараметры. К примеру, предметный параметр диверсифицируется способами существования предметов дискурса, видами их детерминации; методологический — разнообразием способов обоснования и видов объяснения; коммуникативный — стилевыми особенностями речи, сценарием и средствами научного общения. Дисци-

плинарная специфика того или иного научного дискурса определяется составом и характерным способом корреляции параметров некоторого их выделенного подмножества.

### Принципы научного дискурса

Важнейшим фактором спецификации научного дискурса является исторически сложившийся в науке комплекс универсальных принципов, следование которым оптимизирует процесс создания, использования и трансляции знаний. Их совокупность (система) способствует более или менее успешному дистанцированию науки от ненауки (преднауки, псевдонауки, религии): отступление от них означает, что соответствующая деятельность и ее результаты не являются, в общем и целом, научными. Важно подчеркнуть, что речь не идет об исчерпывающем перечне требований, имеющих к тому же неизменное содержание (что характерно для абсолютизма). В контексте эволюции форм, методов и средств научной деятельности некоторые из них (из разряда инновационных) со временем приобретают статус конститутивных, другие утрачивают актуальность, а третьи подвергаются коррекции (уточнению и модификации).

Тем не менее (вопреки релятивизму) в них присутствует определенное константное содержание. Другое дело, что, будучи идеалами, эти требования задают некий предельный уровень, степень приближения к которому варьируется в зависимости от предметной области дискурса, а также разработанности методов и средств эмпирического исследования. Наиболее близки к этому идеалу природоведческие науки. Несколько иная ситуация складывается в отношении социогуманитарных наук: они имеют дело с проблемами, относящимися к устройству общества, сущностных характеристик человека, и это обстоятельство не может не затрагивать сферу личностного бытия самого исследователя, а также его корпоративных (цеховых, классовых) мотивов и интересов. Многоаспектность и многофакторность социально-личностного бытия, его динамичность (вариативность), способность

человека «перешагивать» через любые табу и инстинкты создают для исследователя проблемные ситуации, в которых теоретическое моделирование (как один из ведущих методов наук, благополучных, как принято говорить, в эпистемологическом отношении) находится еще в зачаточной стадии развития. «Для всякого, работающего в гуманитарных и общественных науках, где дебаты и расхождения между конкурирующими фракциями носят просто характер пандемии, естествознание предстает как тихая пристань»<sup>2</sup>. Все это не дает оснований для принижения роли общенаучных идеалов и принципов и тем более, для полного отказа от них от них в какой бы то ни было области научного дискурса. Рассмотрим содержание некоторых из них.

1. *Нормативность*: любой дискурс, включая научный, является нормативным в том смысле, что он производится с ориентацией на набор правил, стандартов и ценностей, исторически сложившихся в границах соответствующей социальной практики. Дискурс регламентирует, то есть предписывает, ограничивает, исключает. Постмодернизм откровенно демонизирует нормативную природу дискурса, наделяя его атрибутом некой власти (М. Фуко, Р. Барт, Ж. Деррида). В действительности же речь должна идти лишь о проведении границ, отделяющих, например, научный дискурс с его целевой функцией по производству объективно-истинных знаний, от других типов дискурса, предназначенных для решения иных задач.

2. *Реализм*: требование считаться с независимым от сознания исследователя существованием изучаемых объектов, включая нравственные и эстетические ценности, сознание людей. В основе этого принципа лежит следующий постулат: субъекту научного дискурса противостоит упорядоченный мир материальных и идеальных («духовных») сущностей. «Если бы за человеческими мысленными образами не стояла «реальность» или если бы наиболее важные аспекты реальности отличались произвольными беспорядочными изменениями, у нас не было бы возможности создавать об этой реальности заслуживающие доверия знания»<sup>3</sup>. Причем этот мир не

<sup>2</sup> Лаудан Л. Наука и ценности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/laudan.html> (ата обращения: 13.12.2012)

<sup>3</sup> Storer N. W. Relations among Relations among Scientific disciplines // The Social Contexts Research. N. Y., 1972. P. 220–248.

ограничен только явлениями, доступными чувственному восприятию (не все «лежит на поверхности»). Он имеет «глубины», скрытые от наблюдения и доступные только теоретическому мышлению аспекты, или параметры, и именно они позволяют объяснять и предсказывать наблюдаемые явления.

3. *Непредвзятость*: в суждениях исследователя о фактах и объяснительных гипотезах, в ценностных суждениях следует уходить от субъективизма — внесения в них сугубо личного, скорее — желаемого, чем действительного. Особенно это требование актуально для социогуманитарного дискурса: «Вполне естественно, что при рассмотрении сложных социальных проблем невозможно обеспечить абсолютную объективность и непредвзятость, однако отличие ученого от непрофессионала заключается как раз в том, что ученый осведомлен о многочисленных «ловушках», которые могут встретиться на его пути, и старается их избежать»<sup>4</sup>. Субъект научной деятельности включен в познавательный акт в качестве его неотъемлемого элемента, и полученное им знание зависит от применяемых средств познания, ракурса анализа, избираемого вида описания. Какими бы ни были эти средства, ракурсы и виды, полученные при их посредстве результаты должны воспроизводить — с той или иной степенью точности и полноты — реальное положение вещей.

4. *Обоснованность*: требование принимать к сведению только те высказывания (гипотезы, положения), которые подкреплены сведениями фактуального характера, дедуцированы из других ранее признанных истин или получены на основе хорошо апробированных методов. Долгое время в науке превалировало фундаменталистское представление о существовании абсолютных, непоколебимых и универсальных способов обоснования знания (Р. Декарт, Ф. Бэкон, логический позитивизм).

В современной науке принято считать, что любое обоснование полагается таковым лишь относительно определенного набора методов и средств, определенной предметной области. Методы, которыми обосновывают свои положе-

ния математики и логики, непригодны для обоснования положений социогуманитарных наук, и наоборот. Даже в границах одной и той же науки, но в разных ее направлениях стандарты обоснования в чем-то могут существенно различаться.

5. *Истинность*: обоснованность как важнейший императив научного дискурса обусловлена установкой науки на получение объективно истинного знания о мире и человеке (обществе). «Наука стремится к истинным теориям» (К. Поппер). Истина в ее классическом понимании представляет собой отношение соответствия (адекватного отражения) высказывания (теории) выделяемому им фрагменту реальности. В современной эпистемологии и философии науки принято различать еще две теории истинности: когерентную, в которой истина заключается в согласии выдвинутого положения с уже принятой ранее системой утверждений, и прагматическую, характеризующую истину как «работоспособность» идеи, или ее полезность: мы можем сказать о ней, что «она полезна, ибо она истинна», или что «она истинна, ибо полезна» (У. Джеймс).

В истолковании истины как когерентности не предполагается сопоставление высказывания с действительностью: это свойство оказывается производным от некоей целостности, или системности, текста, в состав которого удастся непротиворечивым образом включить это высказывание. Несомненно, что логическая связанность и системность являются атрибутами научного дискурса, в особенности — математического, который не может в силу природы его объектов непосредственно контролироваться опытом. Вместе с тем, как отмечал М. Шлик: «Если рассматривать когерентность в качестве общего критерия истинности, мы должны считать всякого рода сказки столь же истинными, как исторические свидетельства или утверждения в трудах по химии, — конечно, в том случае, когда в сказке нет противоречий»<sup>5</sup>.

У прагматизма тоже были основания для перевода дискуссии о природе истины в сферу реальной «работы» идей, мыслей, теорий на человека. И все же смена акцентов

<sup>4</sup> Баркер А. Новые религиозные движения [Электронный ресурс]. URL: [http://krotov.info/history/20/1990/berker\\_00.htm](http://krotov.info/history/20/1990/berker_00.htm) (дата обращения: 13. 12. 2012)

<sup>5</sup> Шлик М. О фундаменте познания // Проблема метода в современной буржуазной философии. М., 1986. С. 140.

не устраняет несимметричности теоретико-познавательного отношения «знание — действительность» и аксиологического отношения «знание — ценность». Не потому теория истинна, что помогает решать практические задачи, а потому она более успешна (чем другие) в этом отношении, что ближе к истине.

6. *Интерсубъектность*: истинность не следует смешивать с интерсубъектностью (общезначимостью), хотя последняя является коммуникативным проявлением первой. Выделим следующие разновидности общезначимости: семантическую (общая приемлемость понятий и построенных из них суждений), эмпирическую (обоснованность высказываний эмпирическими фактами, бесспорными для всех участников дискуссии), логическую (обоснованность высказываний логическими выводами, схемы которых также приемлемы для всех), операциональную (общеприемлемость определенных образцов деятельности), нормативную (общее согласие относительно правил поведения)<sup>6</sup>.

7. *Теоретизм*: данная норма предполагает использование абстрактных моделей исследуемых ею феноменов в любой достаточно развитой области науки, на основе которых осуществляются организация и интерпретация опытных данных, формируются номологические высказывания, репрезентирующие устойчивые и инвариантные зависимости (законы) ее предметной области. Посредством номологических высказываний реализуются основные функции науки — обоснование, объяснение, прогнозирование, квалификация и вычисление.

8. *Эмпиризм*: результаты наблюдения и экспериментов играют решающую роль в признании либо отбрасывании гипотез, законов и теорий апостериорного дискурса: рационально действует тот исследователь, который выбирает оптимальную стратегию для роста эмпирического знания. Эмпирическая проверка никогда не существует в отрыве от теории, которая «задает» понятийную систему координат, «так что зависимость от одних только «фактов» никогда не может дать ничего значимого ни в научном, ни в каком-либо ином смысле»<sup>7</sup>.

9. *Детерминизм*: установка, согласно которой любое явление (ситуация, процесс, событие) обусловлено какими-либо другими, предшествующими ему, явлениями. Природа этой обусловленности может быть различной: материальной — физической, химической, биологической, либо знаковой (символьной), социальной, психической; целевой или функциональной; она может быть однозначной или вероятностной. Исключаются только два допущения: обусловленность явлений мистическими (сверхъестественными) феноменами и наличие метафизических («конечных», или «субстанциональных») причин.

10. *Логичность*: наиболее консервативный (устойчивый) компонент научного дискурса. Логические средства (логические принципы, правила дедуктивных выводов, правила деления объема понятий, построения дефиниций и тому подобное) позволяют осуществлять трансляцию номологического знания на индивидуальные сущности (вещи, явления, ситуации), а также придать тексту когерентность и смысловую определенность. Примечательно, что критика постмодерном языка науки ориентирует на негативное отношение к строгим дефинициям. «Все определения становятся жестокими и неверными: создающее и изобретающее их мышление может теперь постичь их — ободренных, отделенных от живой формы, плавающих в мрачной глубине»<sup>8</sup>, — такой подход содержит серьезную угрозу продукту научного дискурса — знанию, в первую очередь его однозначности, определённости и точности.

11. *Методологичность*: исследование предполагает использование определенной совокупности хорошо апробированных методов. Методы подразделяются на дисциплинарные и междисциплинарные, методы теоретического и эмпирического исследования и т. п. Не может быть только методов (алгоритмов) изобретения новых идей и способов исследования. Существует непродуктивная оценка места и роли методов науки и, следовательно, самой науки. Эта позиция обычно связывается с П. Фейерабендом, полагавшим, что в отно-

<sup>6</sup> Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. С. 220–222.

<sup>7</sup> Парсонс Т., Сторер Н. Научная дисциплина и дифференциация науки [Электронный ресурс]. URL: [www.courier.com.ru/pril/posobie/parst.htm](http://www.courier.com.ru/pril/posobie/parst.htm) (дата обращения: 13.12.2012)

<sup>8</sup> Делез Ж. Различие и повторение. С.-П.: Петрополис, 1998. С. 190.

шении методов «все дозволено». Действительно, научные инновации были бы невозможны, если бы ученый всегда оставался в границах того, что Л. Лаудан называет «общепринятым методологическим благоразумием».

Креативная научная деятельность начинается с момента, когда в полной мере осознается невозможность решения определенного вида задач (проблем) на уже существующей теоретической и фактуальной базе, с помощью ранее созданных методов и средств. Это обстоятельство побуждает исследователя к формулировке новых идей и гипотез, изобретению нетрадиционных экспериментальных методик, средств наблюдения и измерения. Процесс рождения нового в научном творчестве выходит в какой-то момент за границы сугубо рационального предприятия, поскольку опирается на интуицию и воображение, «подключает» случайные ассоциации. Важно подчеркнуть: такого рода внерациональные факторы «срабатывают» только в мышлении высокопрофессионального специалиста в данной отрасли науки, глубоко осознавшего исчерпанность возможностей наличных объяснительных гипотез и прежнего методологического арсенала.

12. *Критицизм*: только положения, выдержавшие критический натиск, имеют право быть принятыми в качестве научных — таков общий смысл данного регулятивного принципа. Предполагается, что любые наши положения (теории, гипотезы и даже фактуальные высказывания) не гарантированы от ошибок. Обязанность исследователя — подвергнуть полученные им выводы обстоятельной самокритике (как диалога с самим собой) в надежде обнаружить и устранить эти ошибки. Новое в науке первоначально возникает в сознании какого-то конкретного исследователя, как правило, натуры творческой, волевой и целеустремленной. Однако и его инновация может оказаться ошибочной: в европейской науке уже давно сформировалась позиция, согласно которой истина спрятана довольно глубоко и найти ее в одиночку чрезвычайно трудно. Поэтому обязанность каждого ученого — следовать «организованному скептицизму» (Р. Мертон), то есть критически оценивать работу своих коллег и делать свою критику достоянием гласности.

13. *Историзм*: установка, в соответствии с которой научные знания как продукт дискурсных процессов не только не возникают (подобно Афине из головы Зевса) в «готовом» виде, но и не остаются неизменными. Что-то в них со временем уточняется, углубляется, расширяется, а другое — «элиминируется» и заменяется чем-то новым. Но при этом пройденное (прошрое) науки не отбрасывается, не придается забвению: на его ошибках учатся, но в нем же могут быть обнаружены крупницы гениальных прозрений, не распознанных ранее в таком качестве.

14. *Ответственность*: наука — важнейшая составляющая культуры современного общества, ее результаты оказывают глубокое воздействие не только на его экономику и политику, но и среду обитания, физиологию и психику людей. Первейшая заповедь субъекта научного дискурса: оценив результаты своих исследований с точки зрения их возможного и преднамеренного использования для нанесения ущерба физическому и психическому здоровью людей, получения противоправных доходов, манипулирования общественным сознанием, — поставить в известность об этом научное сообщество и средства массовой информации с целью блокирования такого развития событий. Не менее важен и другой аспект авторской ответственности: за качество своего дискурса и соблюдение авторских прав других.

Рассмотренные принципы в их совокупности составляют характеристику научной рациональности, которая оказалась в XX веке объектом жесткой критики. Одна из причин этой критики состоит в абстрагировании научной рациональности от специфики размышлений о человеке — его душе, культуре и социальной истории. Однако задача методологии социогуманитарного исследования состоит не в том, чтобы выстроить антипод научной рациональности, а в осуществлении плодотворного синтеза: научного реализма с социальным префективизмом, поиска истины — с ценностными суждениями, познания общего — с учетом различий, усмотрения универсального — в контексте индивидуального, и т. д.

К примеру, внимание к различиям в социогуманитарном анализе не исключает обнаружения общего (идеально-типич-

ческого, по М. Веберу). Отсутствие строгой детерминации и универсальных законов в социально-историческом бытии восполнимо обнаружением в нем широких по охвату статистических закономерностей, а также локальных эмпирических зависимостей между мотивами и провоцируемыми ими поступками, на основе которых можно строить правдоподобные объяснения/прогнозы поведения отдельных личностей и социальных групп.

В естественнонаучном дискурсе в качестве подтверждения общего положения приводится множество ценностно нейтральных фактов, а в социогуманитарном дискурсе обращаются чаще к ценностно «нагруженным» фактам, функция которых иная — понимание человеческого поведения. В социогуманитарном дискурсе, как и в естественнонаучном, выдвигаемые положения нуждаются в обосновании, однако обоснованность и приемлемость положений и выводов социогуманитарного дискурса в значительно большей мере зависят от социокультурной принадлежности автора дискурса и его реципиентов, нежели естественнонаучного.

Здесь часто фигурируют ссылки на мотивы и интересы как причины деятельности исследуемых лиц и социальных групп, а также на традиции (аргументы к традиции). Традиции являются связующим звеном между поколениями, и без такого рода преемственности невозможно осмыслить бытие человека в историческом времени. Аргументы к традиции обычно соседствуют с аргументами к авторитету, то есть мнению или поступкам людей, хорошо знающих традиции или являющихся их основателями. Поэтому вполне объясним феномен комментаторства в социогуманитарном дискурсе — детализации доктрины и уточнения ее частных, но который не следует превращать в диктат неких избранных («авторитарных») дискурсов.

Думается, что именно в понимании и признании этих и им подобных линий «схождения», а не в изобретении некой «постклассической», или «новой», рациональности скрыты резервы повышения качества социогуманитарных штудий.

## Классификация научного дискурса: некоторые подходы

Научный дискурс как родовое понятие можно поделить в предельно общем плане на два вида: априорный (дискурс формальных наук — логики и математики) и апостериорный (дискурс эмпирических наук). Основание такого деления лежит в области значений логико-методологического параметра: в априорных науках истинность высказываний устанавливается логико-аналитическими методами в рамках некоторой формализованной теории, в то время как истинность высказываний апостериорных наук, в конечном счете, удостоверяется опытным путем. Иногда априорные науки, исходя из этого же логико-методологического параметра, именуют дедуктивными, а апостериорные — индуктивными (что, впрочем, не исключает использование дедукции в последних).

Апостериорный дискурс по предметному параметру подразделяют на физический, химический, биологический и социокультурный виды. В каждом из членов такого деления, в свою очередь, выделяют (по этому же параметру, но на более низком уровне абстракции) некоторые его разновидности. К примеру, понятие «биологический дискурс» (видовое по отношению к понятию «апостериорный дискурс») подразделяется на подвиды: ботанический, зоологический и антропологический. По другому основанию биологический дискурс диверсифицируют по схеме «целое — часть (аспект)» на морфологический — исследует строение организмов, и физиологический — изучает процессы, протекающие в живых организмах и обмен веществ между организмами и средой. Каждый из этих видов, в свою очередь, делят либо диверсифицируют по другим основаниям.

По уровневому параметру ранее были выделены предметный дискурс и метадискурс. Рассмотренные выше дискурсы являются предметными. С одной из разновидностей метадискурса мы имеем дело, когда отвечаем на вопрос типа «Почему следует понимать некоторый текст (или отдельное высказывание) так-то и так, а не иначе?» Назовем такой дискурс (по понятным причинам) герменевтическим. Внятной методологии герменевти-

ческого дискурса еще не создано, хотя многие дискурсные практики, такие как история, юриспруденция, литературоведение, имеют одной из своих задач установление аутентичного смыслового (предметного) содержания разнообразных текстов.

С понятием уровня дискурсного текста связано также решение комплекса вопросов, позволяющее выделить еще одну разновидность метадискурса, которую можно назвать логико-методологической. Ее основу составляют анализ логических связей и отношений между терминами и высказываниями предметного дискурса (метаматематика, металогика), а также исследование функций научных категорий и методологических принципов в предметном дискурсе (методология научного познания).

Сложная ситуация с делением имеет место в дискурсе, в котором происходит «схождение» предметных областей, методов и целей различных наук — физики и химии, химии и биологии, физики и биологии, биологии и социологии, биологии и психологии. Более того, все разновидности научного дискурса тем или иным образом ассоциированы в «непрерывную ткань, все части которой переплетены между собой»<sup>9</sup>. Это обстоятельство побудило К. Поппера заявить, что «мы исследуем не предметы, а проблемы», а «проблемы <...> способны пересекать границы любых дисциплин и их предметов»<sup>10</sup>. И все же: чтобы «пересечь границы», они должны быть как-то обозначены, а для этого необходим учет многих дискурсных параметров. Размежевание же, в свою очередь, позволяет установить, что одни их сочетания имеют больше общих параметральных черт, чем сочетания других.

В порядке иллюстрации сопоставим научный дискурс с некоторыми видами иных дискурсных практик. Лекции, разъяснения преподавателем программного материала на практических занятиях и семинарах, беседа со студентами, их опрос составляют научно-образовательный дискурс. Граница между ним и собственно научными дискурсами проходит не по предметному параметру (учебник по физике «говорит» о той же реальности, что и научные

труды по этой науке), а по их целям и коммуникативным технологиям. Основная цель и приоритетная ценность научного дискурса состоит в производстве новых объективно-истинных знаний. Цель же образовательного дискурса состоит в такой трансформации (перестройке, переработке) и трансляции (передаче) уже имеющегося («готового») научного знания, которые позволяют минимизировать время и усилия на усвоение этого знания будущими специалистами, вооружить их методами оперирования ими, возбудить у них интерес к соответствующей области научного познания.

Целевая специфика образовательного дискурса обуславливает его коммуникативную специфику: в очередности введения единиц знания, способе задания смысла и значения теоретических терминов, подборе «щадящего» математического формализма, сочетании эйдетического (образно-наглядного) и абстрактного в представлении знаний. Овладение методами научно-образовательного дискурса предполагает достаточно развитую логическую культуру. Очевидно, что эти знания необходимы при изучении любой науки.

Преподавание логики велось в средних школах дореволюционной России. К. Д. Ушинский основания разумной речи видел в верном логическом мышлении, а К. А. Тимирязев считал неременной обязанностью каждого гражданина развивать в себе способность к логически корректному мышлению. Сегодня студенты подавляющего числа специальностей не получают даже элементарных знаний о формах рационального мышления, основных законах и принципах логики, не владеют правилами определения терминов, деления объема понятия, приемами научной аргументации.

По сложившейся традиции к разряду научных относят дискурс о культуре. В нем то, «что становится предметом исследования, насколько и глубоко это исследование проникает в бесконечное переплетение каузальных связей, определяют господствующие в данное время и в мышлении данного

<sup>9</sup> Парсонс Т., Сторер Н. Научная дисциплина и дифференциация науки [Электронный ресурс]. URL: [www.courier.com.ru/pril/posobie/parst.htm](http://www.courier.com.ru/pril/posobie/parst.htm) (дата обращения: 13.12.2012)

<sup>10</sup> Поппер К. Предположения и опровержения. Рост научного знания. М.: АСТ, 2004. С. 120.

ученого ценностные идеи»<sup>11</sup>. Проиллюстрируем это положение М. Вебера на примере социально-исторического дискурса. Как известно, прошлое воссоздается из исторических фактов. Если не принимать во внимание «продукцию» откровенных фальсификаторов истории, то в этом плане эпистемический статус социально-исторического исследования немногим отличается от любой другой области научного познания. Но факты, упорядоченные в их хронологической последовательности — это еще не социально-исторический образ («картина») социального прошлого. Таковой возникает проецированием на них «ценностных идей», таких как «сплоченность нации», «честь нации», «историческая справедливость», на основе которых осуществляются вычленение и оценка исторических фактов. В частности, в фокус внимания историка, изучающего далекое прошлое своей страны, попадают, как правило, события и процессы исторической реальности, ретроспекция которых, по его мнению, способна сплотить нацию, помочь ей понять и «оправдать» себя в настоящем, убедить ее в достойном будущем.

И хотя прошлое онтологически не детерминировано настоящим, не может измениться под его влиянием, однако социальная история пишется не только по формуле «как это в действительности было», но и согласно императиву (под диктат) «потребного» прошлого. Тем не менее социальному историку не стоит по этому поводу огорчаться: как отмечает Алан Мегилл, «в профессиональной историографии истина далеко не единственный критерий, которым мы квалифицируем качество исследований»<sup>12</sup>. Ясно и другое: многое из социального прошлого могло быть полнее и точнее реконструировано посредством научных методов, если бы отдельные историки не превращали свои исследования в ремесло по заготовке «исторических аргументов» для политиков. Однако этот вполне романтический проект предполагает принятие хотя бы одного императива эпистемологии классической истины: не настаивать на оценках и выводах, вступающих в

противоречие с твердо установленными историческими свидетельствами (фактами).

Социальные историки активно обсуждают вопрос об универсальном «историческом методе», который, как полагают, специфицирует их дискурс. Анализ показывает, что применяемые в исторической науке методы широко представлены и в других научных дисциплинах (приемы работы с источниками и их критика, интерпретация фактов, ситуативный анализ, ретропрогнозирование и тому подобное). Известный палеоантрополог Р. Фоули пишет: «Разница между информацией о прошлом и настоящем состоит не столько в различии между прямым и косвенным наблюдением, сколько в разной длине цепочки умозаключений и силе сцепления составляющих ее звеньев. Вполне возможно, что любая информация о прошлом должна базироваться на более длинной и более труднодоступной цепочке выводов, чем информация о настоящем, но эпистемология остается по сути той же самой»<sup>13</sup>. Существенно отличается от научного мировоззренческий дискурс. Содержание научных теорий достаточно уверенно контролируется логикой и экспериментом, технологической составляющей научных разработок, и поэтому рано или поздно специалисты приходят к относительному единству в их признании. Мировоззрения тоже могут быть насыщены сведениями из различных областей науки, но их фундамент составляют некие метафизические (недоказуемые и неопровержимые) построения, для которых характерны универсализм и абсолютизм. Они инспирируются психоэмоциональными факторами личности их творцов, погруженной в контекст экзистенциальных проблем. Все претензии на наличие доказательной базы в вопросах миропонимания — плод либо невежества, либо лукавства: «В природе тех данных, которыми располагает человек, нет ничего такого, что явно побуждало бы его ум примкнуть к какой-либо метафизической позиции, предпочтя ее всем другим»<sup>14</sup>.

<sup>11</sup> Вебер М. «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики // Культурология. XX век: Антология. М.: Юрист, 1995. С. 566, 574.

<sup>12</sup> Фоули Р. Еще один неповторимый вид. Экологический аспект эволюции человека. М.: Мир, 1990. С. 108.

<sup>13</sup> Мегилл А. Некоторые соображения о проблеме истинностной оценки репрезентации прошлого // Эпистемология и философия науки. Т. XV, 2008, № 1. С. 54–55

<sup>14</sup> Тарнас Р. История западного мышления. М.: Крон-пресс, 1995. С. 345

В науке противостояние, конкуренция теорий, школ и направлений, их взаимная критика (удовлетворяющая определённым логическим и методологическим критериям) — явление не только естественное, обусловленное сложностью и динамическим характером процесса познания, но и абсолютно необходимое для развития, или роста, научного знания. Конфликты же в мировоззренческой сфере в истории человечества нередко приводили лишь к росту

социального напряжения, использовались для оправдания действий властвующих элит, оказывались «пусковым механизмом» для идеологических репрессий, политических и военных конфликтов. В этой связи в современном мире нам представляется безальтернативным способ коммуникации между субъектами разных мировоззрений, основанный на принципах толерантности и предполагающий выработку взаимоприемлемых способов поведения и деятельности.

## Литература

1. Storer N. W. Relations among Relations among Scientific disciplines // The Social Contexts Research. — N. Y., 1972. — P. 220 – 248.
2. Баркер А. Новые религиозные движения. [Электронный ресурс] URL: [http://krotov.info/history/20/1990/berker\\_00.htm](http://krotov.info/history/20/1990/berker_00.htm) (дата обращения: 13. 12. 2012).
3. Вебер М. «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики // Культурология. XX век: Антология. — М.: Юрист, 1995. — 703 с.
4. Делез Ж. Различие и повторение. — С-П.: Петрополис, 1998. — 384 с.
5. Задворная Е. Эпистемика научного дискурса в культурной ситуации постмодерна [Электронный ресурс]. URL: <http://filologija.vukhf.lt/2-7/zadvornaja.htm> (дата обращения: 13.12.2012).
6. Лаудан Л. Наука и ценности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/laudan.html> (дата обращения: 13. 12. 2012).
7. Мегилл А. Некоторые соображения о проблеме истинностной оценки репрезентации прошлого // Эпистемология и философия науки. Т. XV. — 2008. — № 1. С. 54–55.
8. Парсонс Т., Сторер Н. Научная дисциплина и дифференциация науки [Электронный ресурс]. URL: [www.courier.com.ru/pril/posobie/parst.htm](http://www.courier.com.ru/pril/posobie/parst.htm) (дата обращения: 13.12.2012).
9. Парсонс Т., Сторер Н. Научная дисциплина и дифференциация науки [Электронный ресурс] URL: [www.courier.com.ru/pril/posobie/parst.htm](http://www.courier.com.ru/pril/posobie/parst.htm) (дата обращения: 13.12.2012).
10. Поппер К. Предположения и опровержения. Рост научного знания. — М.: АСТ, 2004. — 638 с.
11. Тарнас Р. История западного мышления. — М.: Крон-пресс, 1995. — 448 с.
12. Фоули Р. Еще один неповторимый вид. Экологический аспект эволюции человека. — М.: Мир, 1990. — 368 с.
13. Хьюбнер К. Истина мифа. — М.: Республика, 1996. — 448 с.
14. Шлик М. О фундаменте познания // Проблема метода в современной буржуазной философии. — М., 1986.